

ПО ДНЕПРУ

Из письма

Предисловие А. Н. Дубовикова

«Многоуважаемый товарищ, очень благодарю вас за честь, за ваше приглашение, с величайшим удовольствием принимаю его, радуюсь возможности посылить выразить свое уважение писателю того народа, искренним другом которого я всегда был», — писал Бунин в 1913 г. известному западноукраинскому общественному и литературному деятелю Владимиру Гнатюку в ответ на его просьбу принять участие в сборнике, посвященном 40-летию литературной деятельности Ивана Франко¹.

Глубокий интерес к украинской культуре, языку, литературе, народной поэзии, усвоенные еще в молодые годы уважение и любовь к Шевченко (см. настоящ. кн., стр. 299), связи с Б. Д. Гринченко и М. М. Коцюбинским, поэтическая увлеченность природой Украины, любовь к ее людям — все это важные факты биографии Бунина. Мотивы украинского фольклора, пейзаж и быт, картины народной жизни, образы украинских крестьян прочно вошли в творческий мир Бунина, в его поэзию и прозу. Можно сказать, что украинская тема влекла Бунина постоянно. Впервые он обратился к ней еще в начале творческого пути. Свидетельство этому — публикуемый ниже очерк «По Днепру».

В этом очерке отразились свежие впечатления от летней поездки по Украине, о которой Бунин писал И. А. Белоусову 30 сентября 1895 г.: «...летом ездил по Днепру и был в Каменец-Подольске у М. М. Гербановского...»² По окончании этого путешествия Бунин в июне приехал к брату Юлию в Полтаву и прожил там около месяца — в это время и был, очевидно, написан очерк «По Днепру», напечатанный в «Полтавских губернских ведомостях»³.

В литературе о Бунине часто цитируются строки из книги В. Н. Буниной о весенней поездке 1894 г., когда «Иван Алексеевич отправился опять один странствовать то в поезде, то пешком, то на пароходе „Аркадий“, на котором он тогда поднялся вверх по Днепру» («Жизнь Бунина», стр. 85). Совпадение этого свидетельства с тем, что известно о поездке 1895 г. по публикуемому очерку (на пароходе, вверх по Днепру), позволяет предположить вполне вероятную ошибку в годе у В. Н. Буниной или у самого Бунина. Трудно допустить, чтобы Бунин два лета подряд совершил поездку по одним и тем же местам, по одному и тому же маршруту. Правда, на протяжении 1890-х годов он трижды путешествовал по Днепру, но ни одна из этих поездок не повторяла других.

Первую из них Бунин совершил в 1890 г. с главной целью — побывать на могиле Шевченко. «На барже с дровами, устроившись за гроши», он отправился тогда из Киева вниз по течению Днепра («Жизнь Бунина», стр. 64). Второй была поездка 1895 г., о которой сказано выше. Третья была предпринята в конце мая 1896 г. по маршруту: Полтава, Кременчуг, далее на пароходе до Екатеринослава, чтобы оттуда спуститься на плоту через Днепровские пороги⁴.

Художественным обобщением, в котором были слиты впечатления всех трех путешествий по Днепру, явился рассказ «На „Чайке“, напечатанный в ноябре 1898 г. в петербургском «иллюстрированном журнале для детей школьного возраста» — «Всходы» (№ 21, стлб. 143—164). В основе его сюжета — поездки 1890 г. (путь от Киева на барже с дровами) и 1896 г. (проход через пороги). В описаниях многоводной шири Днепра, его берегов со старинными селами, утонувшими в зеленых садах, живописных лугов и рощ Бунин воспользовался пейзажными зарисовками из очерка «По Днепру» — они были почти полностью перенесены в новый рассказ, но при этом размещены в иной последовательности, соответствующей его сюжету.

В несколько переработанном виде и под новым заглавием («Казакским ходом») рассказ был включен Буниным в его сборник «Стихи и рассказы» (М., 1900)⁵. Помимо

ряда мелких исправлений Бунин исключил из новой редакции рассказа следующие размышления по поводу последней встречи Шевченко на его родине с сестрой (опущенные строки заключены в квадратные скобки):

«Он даже побывал перед смертью на этих горах и трогательно делился своим заветными мечтами с горячо любимую сестрою. Но увя! [Чем могла помочь она своему усталому грустному брату, великому человеку, которому, однако, негде было приклонить головы? Она сама была несчастная, замученная горем раба, — крепостная. А сам поэт... В детстве он, говорят, ушел раз в степь искать „конец света“, и его не шли и привезли домой только случайно... Где же ему было найти свой угол? Кто в детстве уходит искать „конец света“, тот уже никогда не сумеет найти дорогу к благу жизни. И Тарас до могилы остался одиноким бедняком. Уезжая в Петербург после встречи с сестрою, он мог оставить ей, — может быть, с намернувшимися слезами, — только рублевую бумажку...] И покой и приют от скитаний и горестей ему суждено было найти лишь в могиле!»

¹ «Радянське літературознавство», 1957, № 4, стр. 135.

² «Проблемы реализма», стр. 168.

³ С конца 1894 г. Бунин не только сотрудничал в «Полтавских губернских ведомостях», но и входил вместе с братом в состав редакции неофициальной части этой газеты (см. настоящ. том, кн. 2, стр. 238). В течение почти года, пока газета фактически находилась в распоряжении земской интеллигенции, Бунин напечатал в ней три переведенных им отрывка из «Песни о Гайавате» Лонгфелло (1894, № 92, 30 ноября; 1895, № 106, 20 мая и № 169, 6 августа). Все они были подписаны инициалами: А. Л. Таким же инициалами была подписана в газете и рецензия на книгу: «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, часть первая, том третий. Письма 1851—1860 гг. Поездка в Малороссию и проч.». М., 1892 (1895, № 203, 21 октября), что дает право считать ее автором тоже Бунина. В рецензии с большим сочувствием приводятся обширные выдержки из писем И. С. Аксакова к родным, которые он писал во время «поездки в Малороссию» и в которых выражал свое восхищение природой Украины, ее песнями и т. д.

⁴ В. Н. Бунина приводит относящуюся к этой поездке запись Бунина: «Днепровские пороги, по которым я прошел на плоту с лоцманами летом 1896 года. 31 мая Екатеринослав. Потемкинский сад, где провел с час, потом за город, где под Екатеринославом на пологом берегу Днепра Лоцманская Каменка <...> Дальше Хортица, а за Хортицей — пороги: первый самый опасный — Неяситец, или Ненасытец; потом тоже опасные: Дед* и Волнич; за Волничем в четырех верстах последний опасный — Будило, за Будилом — Лишний; через пять верст — Вильный и, наконец, Явленный» («Жизнь Бунина», стр. 97).

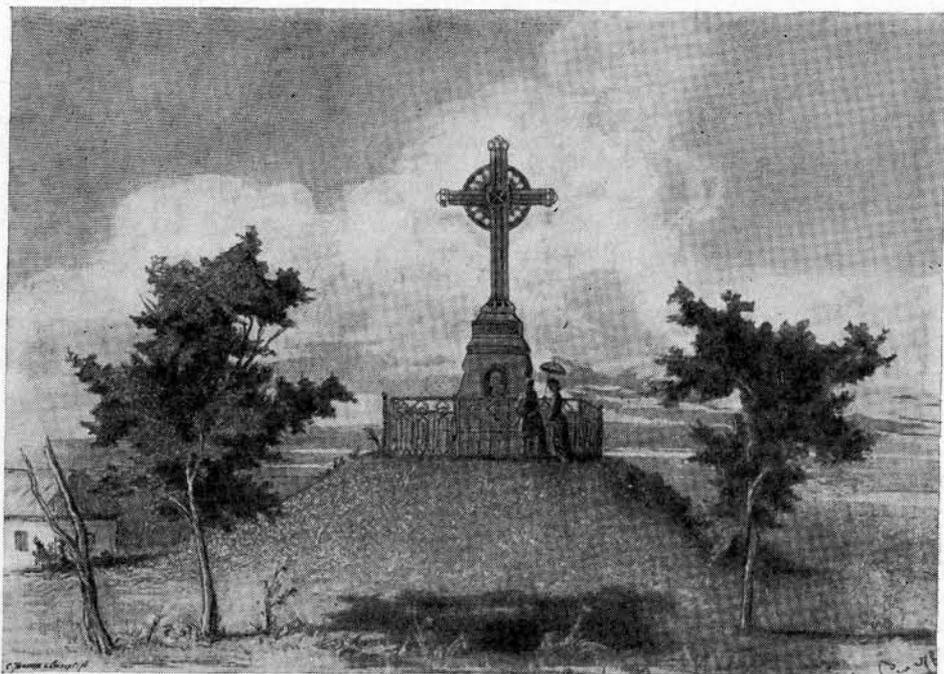
⁵ Этот текст воспроизведен в Собр. соч. 1965—1967, т. 2, стр. 426—437.

...Я очень люблю первые дни июня — почти всегда в это время стоит чудная погода. За весь год не бывает таких веселых, таких светлых, знойных дней, никогда не дышит природа такой полнотой счастья и жизнерадостности... И порой я готов умереть от солнечного удара, лишь бы провести этот долгий-долгий июньский день в открытой степи, — идти по горячей пыли степной дороги, пробираться по межам, утонувшим в неподвижных ржах, овсах и пшеницах, где стоит и, как от костра, пышет в лицо сухо жар и душно пахнет степной растительностью — нагретыми цветами травами, и все эти травы наполнены горячечным шепотом и треском кузнечиков, и над головою звенит и звенит воздушная музыка — тысячи дирижерских оркестров насекомых, неумолчно поющих эту радостную могучую жизнь июньского степного дня, эти бесконечные синие дали, млеющие в ослепительном блеске солнца.

А на Днепре в такие дни еще веселее... И мне теперь кажется, что я прожил эти сутки моего пути до Киева по Днепру — во сне, так хорошо было все время.

Утром от широкого лона реки, от ее неоглядных берегов, от синееющей прибрежных лесов веяло такую здоровую свежестью, такую ароматно влажно — крепким запахом дубовой зелени, еще недавно вышедшей и:

* Неточность: «Дід» — одно из названий порога Ненасытец.

МОГИЛА Т. Г. ШЕВЧЕНКО В КАНЕВЕ

Гравюра с рисунка А. Сластона, 1885

Центральный исторический архив, Ленинград

под воды, что с каждым вздохом чувствовалось, как прибавляется во всем организме молодости и крепости. Плавно и свободно шел пароход, а навстречу ему как бы двигалась вся эта ширь многоводной реки, проходили зеленые рощи островов, там и сям тяжело плыли огромные плоты а на них сутились люди, раздавались бойкие крики, говор и песни... Былолюдно и весело и на пароходе...

К полудню вся картина как бы замерла в неподвижном знойном воздухе. Воздух, казалось, был так же горяч, как горячий сипящий пар, который, как расплавленное стекло, чуть дрожал над широким жерлом черной паровой трубы. Замер светло-стальной Днепр, оцепенели окрестные пейзажи, далекие деревушки и тополя, бледно-синеватые силуэты гор за низменными широкими берегами... Ослепительно блестели песчаные полосы мелей, и казалось, что это неподвижно желтеют вдали полосы спелых ржей. Пароход, проплывая мимо них, замедлял ход, и тогда замолкало даже сипение пара, и еще более затихало все кругом под палящими лучами солнца. Палуба была пуста. И только заунывно и странно долетал до нее с носа как бы отдаленный, долгий и монотонный возглас матроса, измеряющего глубину реки...

А в каюте по белому глянцевиному потолку весь день с неуловимой плавностью бежали светлые отражения реки, в открытые окошечки тянуло прохладой, пахло водою и рыбой, а под самыми подоконниками весь день шумели, клубились и рассыпались жемчужными водометами прозрачные массы днепровских волн, так неустанно и ровно бегущие и волнующиеся, что, глядя на них, голова слегка кружилась.

И медленно и спокойно протекал этот безмятежный, светлый летний день...

...За Черкасами Днепр становится уже не таким мелководно широким и спокойным. Он разливается могущественнее и полнее, горы правого берега подходят к нему ближе, и от этих гор, вершины которых походят на степные курганы и могилы, и от самого Днепра больше веет стариной. Кажется иногда, что это Днепр не теперешней мирной Малороссии, а Днепр времен «Страшной мести», Днепр могучего и вольного прошлого старой Украины. Так, по крайней мере, чувствовалось мне и — смешно сказать! — стоя на палубе, я уже искал глазами того места, где когда-то среди гор белел приднепровский хутор пана Данилы...

Увы, бог его знает, где это жил пан Данило! Теперь по горам на фоне неба рисуются только звездообразные крылья бесчисленных ветряных мельничек... Грозные были давно отошли в вечность — только от могилообразных вершин гор на минуту повеяло ими — и мирно все было кругом в этом благословенном краю в мирный летний вечер!

А вечер наступал поистине дивный!

После горячего дневного зноя дышалось свободней, и на палубе собралось много народу. Но разговоры шли сдержанные, все притихли, как будто не хотели смущать светлого настроения и тишины этого ясного вечера. Но все же было лучше быть в одиночестве, и я отошел на переднюю часть палубы... Я ждал...

Был один из тех вечеров, которые так любят ласточки, вечер, когда им так привольно уноситься в ясное небо или скользить над зеркальными водами, быстро задевать их острым крылышком и снова с безотчетно-радостным щебетаньем тонуть в чистом воздухе, — вечер, полный идеальной, гармоничной красоты.

Все самые нежные краски — от пепельно-розовой до пурпурно-золотистой, все самые легкие тоны вечерней зари воспринимала неподвижная, широкая, как озеро, поверхность Днепра; даже странно было чувствовать, что мы плывем по ней, — так картинна и спокойна была она... А плыли мы уже за Секирной, в тех местах, где правый берег после гор на несколько верст в ширину и длину расстилается в широкую, низменную равнину. То были луга, заливные луга, не наши великорусские, от которых веет всегда пустышностью, а украинские живописные луга, по которым то зеленеют рощи, то одиноко идут среди сенокосов кудрявые деревья, красивые и картинно сокращенные, как на рисованных пейзажах. Может быть, летний вечер или мое настроение, настроение человека из других краев, опозитивировали эти места, но только мне казалось, что именно эти места — настоящие украинские, такие, какими я рисовал их себе с детства, со всей поэзией и мечтательной красотой южной природы, милого образа украинской девушки и тоскующих, сладостных песен. И я глядел в вечернюю даль этих заливных лугов, сердцем чуял и рисовал себе там, в дали, этот образ — карие очи, тонкие черты нежно-смуглого личика, девственно-белоснежную сорочку и цветную плахту над стройными, загорелыми ножками, почти слышал девический голос около белой хатки — эти звонкие песни по вечерней заре... Вспоминал и те могилообразные горы, от которых пахло на меня старыми былями и думами, и ждал... Ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, — «край веселый, степ широкий»¹, ясные зори и тихие воды своей родины!

И могила великого поэта, тот высокий горный кряж над Днепром, где он покоится вечным сном, уже рисовался впереди, как смутно-лиловая точка на золотистом фоне запада. Но до Канева было еще далеко. И всю зорю видели мы темные очертания этих гор за безбрежным зеркалом Днепра...

Уже поздно вечером подходили мы к ним.

Стемнело, на мачту подняли фонарь, и палуба опустела. Стало холодно слегка туманно, и, оглядываясь назад, к востоку, я видел совсем морскую картину.

Теперь уже не видно было очертаний берегов, синий Днепр слился с мутной синевой темной южной ночи. Ночной ветер разводил большую зыбь; Днепр волновался, и казалось, что вся эта туманная синева Днепра и ночи клубится и дышит холодом морской дали; зыбко переливались там, вдали, бледно-зеленые огни уже невидимого парохода, который мы встретили... Наконец, потонули в этом холодном хаосе и они...

А спереди, заслоняя еще брезживший свет заката, надвигались на нас высокие горы. Я ждал, что на самом высоком пункте черных гор, на бледном фоне зари, я увижу, как простертые руки, высокое распятие. Но нет, могила Шевченко находится ниже, на полугоре. Великий поэт поживает скромно... И я старался разглядеть в темноте эту могилу и не мог. Только чувствовал ее близость. Горы надвигались все ближе и ближе, черный мрак как бы плыл от них... У меня захолонуло сердце, когда мы, наконец, прошли под самыми горами, и пахнуло, так близко пахнуло величавым угрюмым молчанием, вечным покоем этого великого места... Холодом и мраком закрылась в эту ночь могила поэта...

Почти всю ночь я без сна лежал в темной каюте. Как в гробу, было темно в ней.. Я был взволнован... И этот мрак, и ровное покачиванье — казалось мне, что я в могиле и вся земля тихо качается,— и этот ровный-ровный, однообразный шорох, непрерывный шорох, плеск и шум днепровских волн, бегущих у изголовья,— еще более странно настраивали и волновали меня...

Там, на горах, над угрюмым Днепром, в темноте глубокой ночи могила молчала вечным молчанием!..

Вечный покой тебе, великое сердце!..

<1895>

«Полтавские губернские ведомости» (часть неофициальная), 1895, № 142, 5 июля. Подпись: Ив. Бунин. Воспроизведено (с отдельными неточностями): «Дон», 1965, № 8.

¹ Строка из украинской народной песни «Зібралися всі бурлаки...»

МЕЛКИЕ РАССКАЗЫ

I. В ПОГОДУ

Перед вечером надвинулись тучи, налетел в потемневшем воздухе вихрь и зашумел проливной дождь.

Но на закате снова внезапно ударили сквозь тучу ослепительные стрелы солнца и ливень засверкал и затрепетал в их золотистом блеске... Потом туча медленно растаяла и засияло голубое, ясное небо.

Дождь перестал.

Зелень дышала яркая, молодая, обновленная. Весело защебетали птицы. Ласточки, упиваясь безотчетной радостью, тонули в чистом воздухе. И солнце догорало тихо и безмятежно. Наступила заря, вся наполненная свежестью и благоуханием. Отражая ее переливы, как зеркало, стоял затон реки у подножия старого парка. В прозрачном вечернем воздухе купались вершины столетних деревьев, а тополи замирали среди них зелеными обелисками... И всем было хорошо в этот теплый летний вечер.